

Пепел сломленной любви

ИЗМЕНА

АННА ЧЕРНОВА

Анна Чернова

Измена. Пепел сломленной любви

«Автор»

2026

Чернова А.

Измена. Пепел сломленной любви / А. Чернова — «Автор», 2026

Музыка начинает звучать громче, кто-то поднимает тост, официанты разносят канапе. А я не свожу глаз со входа, ожидая мужа. И когда я уже почти решаю не обращать внимания, открывается дверь, и в зал заходит Алекс. И не один. Мой муж нежно обнимает за талию молодую девушку в ярко-красном платье с откровенным вырезом. Она громко и беззаботно смеётся. Совсем как я когда-то. — Котя, ну когда ты уже расколешься, чья эта вечеринка! - девица капризно надувает губки и прислоняется головой к его плечу. Она не замечает меня. А вот Алекс — замечает. О, как он замечает!***На мой юбилей муж преподнес неожиданный подарок, явившись на праздник со своей любовницей!

© Чернова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анна Чернова

Измена. Пепел сломленной любви

Глава 1

— Юль! Какая ты красавица! Лешка точно челюсть потеряет, когда увидит тебя в этом платье! - восхищенно оглядывает меня подруга Тоня.

Доверить мейк-ап для такого события, как собственный юбилей, я могла только ей. Тоня - самый лучший визажист и стилист по волосам в нашем городе. Чтобы попасть к ней, женщины записываются за несколько месяцев, а для меня подруга свободна в любое время дня и ночи. Но я не злоупотребляю. Просто в свои сорок лет хочу выглядеть сногшибательно.

Хочу в этот день не видеть жалости или отвращения на лице гостей, которые обязательно проступают в их взглядах, когда они замечают безобразный шрам от виска до правой скулы, доставшийся мне после жуткой аварии.

Чтобы моему мужу было на меня не противно смотреть. Хотя бы сегодня...

Тоня - настоящая кудесница. Рассматриваю себя в зеркало и не верю - ничего не видно. Совсем ничего! Ни темно-бордового бугристого рубца, ни чуть скошенного века.

Из зеркала на меня смотрит та самая Юля, которой я была до того дня, когда нашу машину занесло на обледеневшей автомагистрали, а Алекс не справился с управлением внедорожника и не влетел в грузовик, перевозивший арматуру.

Но красивое лицо - всего лишь мизерная часть того, что я потеряла тогда.

В день аварии я была беременна. Малыша спасти не удалось, как и мою способность рожать...

От нахлынувших воспоминаний увлажняются глаза, и Тоня, заметив это, мгновенно прикладывает салфетку.

— Ну-ну, Юлечка, - шепчет она, - все хорошо, родная. Все уже давно прошло.

— Все нормально, Тонь, спасибо, - беру себя в руки и быстро моргаю, прогоняя слезы. - Я в порядке. Правда.

Еще раз всматриваюсь в зеркало и, не найдя ни малейшего изъяна, выхожу в банкетный зал встречать гостей.

Идея праздновать свое сорокалетие пришла внезапно. Знаю, говорят, что отмечать 40 лет - плохая примета, но после аварии я как-то перестала им верить.

Да и с Алексом у нас как-то отношения охладели. Объясняю это тем, что мы оба погрузились в бизнес, а на время друг с другом и отдых совсем не осталось времени.

Нам нужен праздник, какой-то повод выйти в свет, собрать друзей и близких, в конце концов, потанцевать вместе! Мы сто лет не танцевали. И не целовались...

Мужу я решила сделать сюрприз и ничего заранее не сказала. А сегодня через его секретаршу передала приглашение на закрытую вечеринку.

Приветствую гостей, а сама немного нервничаю и поглядываю на часы. Обычно Алекс не опаздывает, но сегодня почему-то его еще нет к назначенному времени.

Пытаюсь не поддаваться волнению, но рука предательски тянется к бокалу с шампанским. Отпиваю один глоток, другой.

В зале становится всё больше знакомых лиц — кто-то смеётся, кто-то восторженно поздравляет, кто-то с любопытством пытается отыскать на лице виновницы торжества ее уродливый шрам.

Я улыбаюсь, принимаю комплименты, фотографируюсь, но внутри всё сжимается от беспокойства. Где же он?

— Может, пробки? — предполагает Тоня, заметив мою напряжённость. — Или просто решил эффектно появиться под конец. Ты же знаешь Лёшу...

Знаю. Именно поэтому внутри всё холодеет.

Музыка начинает звучать громче, киваю на очередной тост, официанты разносят канапе. Атмосфера тёплая, почти домашняя. Гости искренне радуются, а я... всё равно продолжаю ждать.

И когда уже почти решаю не обращать внимания, открывается дверь. Охранник что-то говорит, и в зал заходит Алекс.

Не один.

Он нежно обнимает за талию молодую девушку в ярко-красном платье с откровенным вырезом. Она громко и беззаботно смеётся. Совсем как я когда-то.

— Котя, ну когда ты уже расколешься, чья эта вечеринка! - девица капризно надувает губки и прислоняется головой к плечу моего мужа. Она не замечает меня.

А вот Алекс — замечает. О, как он замечает!

На секунду его лицо искажается. Он резко тормозит на полпути, будто наткнулся на стеклянную стену. Мы встречаемся взглядами.

— Юля?.. — его голос чуть охрип.

Мне нужно что-то сказать. Сделать шаг. Улыбнуться. Уйти. Что угодно — только не стоять, как вкопанная, так, как сейчас.

— Юля... — он делает шаг ко мне, отпуская руку девушки, но та мгновенно цепляется за него вновь, не понимая, что происходит. — Ты... Ты устроила этот вечер? Но зачем?..

— Зачем? — переспрашиваю я спокойно. Так спокойно, что самой страшно. — Может, потому что хотела сюрприз тебе сделать? А может потому, что у меня сегодня день рождения? Хотя, тебе в обоих случаях наплевать.

Все замолкают. Кто-то деликатно кашляет, кто-то неловко отводит глаза. Только Тоня стоит рядом, как каменная стена, и сжимает мою ладонь.

А я — не плачу, хотя внутри всё крошится, как запущенный об стену хрусталь.

— Ты не говорил, что вечеринка у твоей... жены, — слабо пробует пошутить девушка.

И я понимаю: она не знала. Даже имени моего не знала.

— Пожалуй, это уже не имеет значения, — произношу я и поворачиваюсь к Тоне. — Мне нужно на свежий воздух.

Не помню, как оказываюсь на улице. Не помню, как дохожу до машины. В голове шумит. Воздух как будто не проникает в лёгкие.

Не плачь, Юля! Только не сейчас.

Тоня догоняет меня, набрасывает на плечи кардиган.

— Хочешь, отвезу тебя домой?

— Спасибо, но нет. Я сама. Мне надо подумать.

— Юль...

— Он пришёл... с любовницей. На мой юбилей. Даже не вспомнил про мой день рождения.

Я вдруг начинаю смеяться. Громко и жутко, словно душевнобольная. Если бы я когда-нибудь слышала этот свой смех, я бы бежала прочь от него и от человека, который извергает такие леденящие кровь звуки.

— Не знал, Тонь. Он не знал, что это я...

Глава 2

Подписываю бумаги с дрожью в пальцах. Ручка царапает лист, как лезвие по коже.

Развод. Вот и всё.

— Распишитесь здесь... и вот тут, — устало говорит юрист, даже не поднимая глаз.

Будто мы — не люди, а очередная пара статистики. Распалась, как тонкая нитка от слишком сильного натяжения.

Хрясь — и в разные стороны. Ставлю подпись. Чёрным по белому.

Финита ля комедия.

Алекс сидит напротив, нога на ногу, рубашка безукоризненно выглажена, взгляд холодный. Как будто это я его предала.

— Всё? — спрашивает он, даже не глядя в мою сторону.

— Всё, — отвечаю. Голос звучит ровно, даже я удивляюсь.

Он встаёт и берёт папку, и только тогда бросает взгляд, как будто через меня.

Словно я — пустое кресло. Или мебель. Или, чёрт побери, старая версия меня, от которой он наконец избавился.

— Надеюсь, ты не опустишься до дележки, — бросает спокойно, будто между прочим. — Получишь ровно половину, как по закону. И не рублём больше.

— Спасибо за щедрость, — ядовито улыбаюсь. — Но твои гнилые деньги мне не нужны. Оставь лучше себе на черный день, пока твоя нимфетка не вытянула из тебя все до копейки.

Он усмехается без тени сожаления. И вот в этот момент я понимаю: он больше даже не пытается изображать человека, которому жаль.

— Ты всегда была гордой, Юль, — кидает он на прощание. — Только помни: гордость не кормит.

— А ты помни: совесть — не продаётся. Хотя в твоём случае... — Я замолкаю. Не стоит. Он не услышит.

Никогда не слышал.

Он выходит, а я сижу. Минуту. Десять. Час. Не помню. Да и неважно это.

Потом беру сумку и ухожу навсегда.

— Юлька, зайка моя, ну зачем ты? Останься у меня хотя бы на пару недель, — уговаривает Тоня, прижимая меня к себе, пока водитель грузит в багажник коробки с книгами, старыми вещами и любимой кружкой с велосипедом и надписью Нью-Йорк.

— Нет, Тонь. Мне надо уехать. Подальше. — Я сглатываю ком. — Здесь всё... напоминает о том, что произошло.

И это правда.

Каждый перекрёсток, каждая улица в этом городе пахнет им. Его парфюмом. Его предательством.

И даже кафе за углом, где мы когда-то делали вид, что всё хорошо, теперь режет по глазам.

Я больше не хочу делать вид, что я в порядке. Не хочу себе врать.

Мама встречает меня на вокзале.

Вижу, как она пытается не плакать. Как ей хочется сказать: «Я же говорила». Но она не говорит. Просто гладит по голове, как в детстве, и шепчет:

— Доченька... Ты теперь дома... Отдохни. Всё наладится.

Я киваю, а сама думаю — не надо, мам. Не надо обещать.

Просто позволь мне быть несчастной сейчас.

Пусть родная земля вытянет из меня эту боль.

Удивительно хорошо спится дома. Просыпаюсь с рассветом и выхожу в сад. Солнце еще не слепит глаза, а воздух пахнет клубникой и мокрой землёй.

Хожу босиком по росе, в ночнушке и маминой вязаной кофте и впервые за много недель дышу.

Трава во дворе не кошена, иду по ней по всему участку. Как же давно я здесь не была. Совсем забыла, какой сладкий воздух здесь!

Дохожу до сарая и вижу за ним выглядывающие ветки зеленых кустов с красными ягодами.

Ух ты, малинник совсем зарос! Стал диким и колючим, совсем как я сейчас.

Не думаю, что делаю. Просто руки сами тянутся к веткам, а потом вырывают из-под них колючий осот и другие сорняки.

Вот как я вырву из сердца своё горе. С корнями.

Пусть лучше болят ссадины от колючек на руках, чем кровоточит преданное сердце...

— Дочка! Юляш, ты чего удумала? - мамин голос, полный беспокойства, вырывает меня из транса, в который я погрузилась, выдирая непослушные сорняки.

Поворачиваюсь к маме, держа в руках стебли крапивы. Руки горят огнем, ссадины печет.

— Бросай траву, быстро в дом! - командует мама. - Смотри, все руки в крови, ночнушка порвалась.

Разжимаю пальцы и позволяю сорнякам упасть возле ног, молча плетусь за мамой.

Она усаживает меня посреди кухни на стул, наливает в тазик теплой воды и ставит передо мной.

— Еще не хватало воспаление легких получить! Ты чего удумала босой по земле холодной ходить? - ругает она, но в ее голосе нет злобы, только любовь и забота.

Послушно опускаю ноги в теплую воду и понимаю, что оказывается жутко замерзла.

А когда мама начинает промывать и обрабатывать перекисью мои израненные руки, начинаю беззвучно плакать.

Мне больно. Ужасно больно, но не от царапин, а от осознания того, что меня предали и выбросили, как старую ненужную вещь.

— Поплачь, поплачь, родимая, слезы всю черноту смоят с сердца. Потом легче будет, вот увидишь, - шепчет мама, прижав мою голову к своей пышной груди.

Вдыхаю ее запах : печеной сдобы и чабреца, и плачу еще сильнее...теперь уже от облегчения, что меня понимают, от уверенности, что меня поддержат и не предадут больше.

Глава 3

Почти неделю я не навещала малинник. Ссадины и царапины оказались на удивление долго заживающими и болючими.

Каждый день гуляю по участку, помогаю маме с огородом, но за сарай не захожу, хотя тянет туда неимоверно.

В воскресенье не выдерживаю и прямо с утра топаю в дальний конец участка.

Малина встречает колючим молчанием. За неделю дождей кусты заросли так, будто сами решили закрыться от мира. Как и я. Колючие, непролазные, вьются, сплетаются, запутывают, будто в шепоте между листьями прячется тайна — и боль, и ответ на неё.

— Ну что, сегодня я тебя победю, как говорят, - бормочу себе под нос.

Сегодня я пришла с оружием - секатор в моих руках молча и грозно поблескивает на солнце.

Хотя если честно, я не знаю, кого собираюсь побеждать. Себя, малину или тишину внутри. Трясу головой и решительно шагаю в чашу.

Хлыщ! И на тонкой коже запястья выступает тонкой красной дорожкой кровь от колючки. Хорошо. Так надо.

Это как дышать. Как снова почувствовать, что я — не тень и не обрывок чье-то жизни.

Что я жива.

— Юлька, да надень ты хоть перчатки, господи! - слышу сзади мамин крик.

Я киваю, улыбаюсь, а сама снова лезу руками в куст.

Хочу чувствовать боль. Каждую царапину. Потому что хуже, чем там, внутри, всё равно не будет.

Проходит неделя или две. Я не смотрю в календарь, а телефон отключила. На своей рабочей страничке дизайнера интерьеров написала объявление о том, что временно не принимаю заказы. Электронные письма тоже не читаю.

Меня нет. Прежней меня, Юлии Собиной, успешного дизайнера и образцовой жены, нет.

Тоня знает мамин номер, а до остальных людей мне дела нет.

У меня сейчас совершенно другая жизнь.

Утром — тёплый чай и старая рубашка отца. Потом — сапоги по щиколотку в сырой глине, ломаю спину над грядками, укрощая кусты с малиной. Выдираю сорняки — и с каждым корнем будто вытаскиваю из себя память.

О нём.

О ней.

О том, что не смогла удержать. Не только мужчину, но и малыша.

Моего малыша...

Сердце щемит, но я не плачу. Плач — это для тех, у кого остались силы. А у меня теперь только руки. И они работают.

Однажды вечером прислоняюсь спиной к сараю и сползаю по стенке на траву.

Мои пальцы — в ссадинах, ногти — в грязи, волосы взмокли под косынкой. Не говорю уже про отваливающуюся поясницу. Но глядя на идеально ровные ряды подвязанной к палкам малины, между которыми лишь черная взрыхленная земля без единого намека на сорняк, у меня на душе легкость.

Как будто раскаленный обруч с острыми шипами больше не сжимает грудную клетку. Как будто мешок с неподъемными валунами больше не давит на плечи.

Не знаю, в какой момент это произошло и почему, но сейчас мне легче.

Может, потому что боль наружная отвлекает от внутренней. Может, потому что я — сильная. Не потому что хочу, а потому что другого варианта все равно нет.

— Спасибо, что не умерла, - срывается само собой с моих губ.

Не знаю, кому я это. Себе? Садовнику с небес? Или той Юле, которая ещё где-то во мне жива и ждёт, пока я её снова найду.

Не знаю, кем я стану, и не знаю, сколько уйдёт времени. Но глядя на малинник, приходит уверенность, что в этой земле что-то уже прорастает.

Может, надежда на лучшее.

А может — новая я...

Наутро после того самого вечера, когда я впервые сказала «спасибо, что не умерла», я просыпаюсь другой.

Не то чтобы счастливой. О, нет - до счастья мне ещё, как до Марса босиком.

Но какой-то... цельной что-ли. С ощущением, что больше не нужно собирать себя по кускам и осколкам.

Смотрю в окно: на грядках роса, на крыше сарая — солнце, как разбитое яйцо, растекается жёлтым.

Мама возится с тестом. Слышу, как она вполголоса напевает песню из моего детства — про венки из одуванчиков.

И думаю: может, в этой простоте и есть моя новая жизнь? Без дизайнерских выставок, без заказчиков с запросом «дорого и в стиле Сканди». Без мужчин, которым проще уйти, чем остаться рядом с женщиной, у которой на теле и в душе шрамы.

Выхожу и босиком шагаю к малиннику. В руках — чашка с недопитым кофе. Срываю один сочный, багровый плод с куста и жую прямо с ветки. Кисло. Но честно.

У меня теперь всё честно.

На следующий день решаю завести дневник.

Мама, услышав, как я говорю об этом Тоне по телефону, смеётся:

— Ты что, как в пятом классе?

— Именно, — киваю. — Потому что только тогда я была по-настоящему собой.

Записываю туда всё — какой был рассвет, сколько ведер сорняков вытащила, как чувствует себя моя спина, и как однажды мне показалось, что куст наклонился ко мне сам. Может, сошёл с ума, а может, мне уже мерещится.

Потом я рисую. Старым карандашом на жёлтой бумаге — зарисовки с участка, мамин платок, свои потрескавшиеся руки.

Это почти как медитация. Молча проводишь по бумаге линию — и в голове становится тише.

В какой-то день, сама не знаю в какой, прихожу к маме на кухню и спрашиваю:

— А ты не против, если я попробую немного поэкспериментировать с твоей малиной?

Мама поднимает бровь:

— Экспериментировать? Ты хочешь прививки делать, как твой дед?

Я киваю:

— Да. Увидела в интернете интересный сорт. Думаю, можно попробовать. Скрестить с нашей. Вдруг что получится...и наша малина перестанет быть такой кислой.

Мама улыбается.

— Пробуй, доча. Земля всё стерпит. И даст в ответ, если с любовью.

Слово «любовь» режет слух. Отворачиваюсь к окну, чтобы она не заметила, как сжались мои плечи.

Любовь. Была.

Теперь только земля.

Сажены приезжают с почтой. Иду на почту в маленькое сельское отделение — коробка под мышкой, паспорт в руке, мешок ожиданий — за плечами.

Местная почтальонша, Лидия Павловна, смотрит с любопытством:

— Неужто в малину ударилась, Юляш?

— Ударилась, — киваю. — А что делать? Бить-то некого больше.

Она смеётся. А я нет.

Новые кусты сажаю в конце участка — там, где солнце почти не печёт днём, но утром и вечером их нежно гладит.

Сажаю медленно, с молитвой.

На каждый куст — по тихому слову.

Иногда прошу, чтобы выросли. Иногда — чтобы забыли. Иногда просто говорю: «Ну вот, начнём заново. Ты и я».

Мама всё чаще оставляет мне домашние дела и уезжает в райцентр — то к подруге, то за лекарствами. Говорит, что я справляюсь лучше неё.

Наверное, справляюсь. Потому что так у меня больше поводов не сломаться.

А по вечерам сижу на крылечке, укутав ноги в плед, и слушаю, как трещат цикады и кричат сойки..

Каждый такой вечер — как небольшая победа.

Я ещё здесь.

Я ещё держусь.

Иногда, когда уже лежу в кровати, слышу, как мама разговаривает с кем-то по телефону.

— Она как будто снова живёт, Ленка. Правда... Да, малину всю перекопала. — Пауза.

— А знаешь, я верю: всё у неё будет хорошо.

Я улыбаюсь в подушку.

Спасибо, мам.

Глава 4

Солнце припекает макушку, майка мокрая на спине, волосы прилипли ко лбу, но эти мелочи не смогут заставить меня сдаться.

Сегодня у меня бой с новой порослью, которая решила, что может оккупировать мой малинник.

— Ага! Попалась, дрянь! — бурчу себе под нос, вытаскивая из земли упрямый корень какого-то неизвестного науке сорняка, который растёт быстрее, чем мои надежды на будущее.

Наклоняюсь, почти ложусь в кусты, тяну за корень изо всех сил, и тут...

— Боже мой, а это что за героическая попа на переднем плане? Малина такая вкусная, что ты её с корнями решила съесть?

Взвизгиваю, отпускаю корень и — шлёп! — хлопаюсь прямо на пятую точку во влажную землю.

Косынка слетает с головы. Рядом падает перчатка.

— Да чтоб тебя... — вырывается у меня сквозь зубы. — Вы что, с ума сошли?! Кто вообще так пугает?!

Я оборачиваюсь и вижу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.